

Ань Тянь вздохнул:

— Даже если не думать обо всем этом, разве ты не думаешь об Ань Гэне? Ты не замечаешь, как он подавлен?

Ван Цинь пошевелила губами и посмотрела на Ань Тяня.

Ань Тянь продолжил:

— Ань Гэн хоть и выглядит беспечным, на самом деле очень чувствительный ребенок. Просто он привык держать все в себе и не высказывать свои чувства.

— Сегодня за ужином он не произнес ни слова и почти ничего не ел. И ты заметила? С тех пор как он вошел в дом, он ни разу не посмотрел на Моси.

— Что это значит? Он категорически против Моси и не готов принять, что в доме внезапно появился новый член семьи.

— Даже в обычных семьях, когда планируют завести второго ребенка, сначала объясняют старшему, стараются учитывать его чувства. А ты просто привела нового человека домой, даже не спросив мнения ребенка. Кому такое понравится?

Ань Тянь заметил, что выражение лица Ван Цинь смягчилось, и обнял ее, тихо сказав:

— Я понимаю, что Моси действительно вызывает жалость. Я тоже смотрю на него и чувствую, что хочу о нем заботиться. Но сейчас для нас самое важное — это наш ребенок, правда? Разве ты готова из-за этого отдалиться от Ань Гэна, чтобы он почувствовал, что для тебя он менее важен, чем случайный ребенок, найденный на улице?

Ван Цинь опустила голову на плечо Ань Тяня, закрыла глаза и глубоко вздохнула, тихо сказав:

— Я поняла.

Ань Тянь мягко погладил ее по спине, больше ничего не говоря, просто молча утешая.

Возможно, из-за обильного ужина, Ань Гэн не мог уснуть, его живот был переполнен. Он встал с кровати, решив выйти на балкон подышать свежим воздухом.

Но, открыв дверь, он обнаружил, что на балконе кто-то сидит.

— Черт! — Ань Гэн испугался и выругался.

Когда он разглядел, что это Ли Моси, его злость только усилилась:

— Ты что, черт возьми, делаешь тут посреди ночи? Прикидываешься призраком?

Ли Моси без выражения посмотрел на него, затем снова отвернулся.

Обычно Ань Гэн просто проигнорировал бы его, но сегодня он не мог этого сделать. Внутри него поднялась ярость, и он чувствовал, что должен выплеснуть ее на Ли Моси.

Он подошел к нему и, смотря сверху вниз, спросил:

— Ты что, не слышишь, как я с тобой разговариваю?

Ли Моси поднял на него взгляд и медленно произнес:

— Ты сын мамы, я тебя не трону.

— Не тронешь? Ты что, бредишь? — Ань Гэн едко усмехнулся, но в его глазах не было ни капли веселья. — И еще... кого ты называешь мамой? С каких это пор Ван Цинь стала твоей матерью? Я терпел тебя долго, но если ты еще раз назовешь ее мамой в моем присутствии, я...

Ли Моси прямо смотрел на него, а через две секунды вдруг неожиданно сказал:

— Мама.

...

Что это за странное и одновременно бесящее чувство?

Ань Гэн ощущал, как внутри него поднимается гнев, но он не мог ни выплеснуть его, ни сдержать. Он застрял у него в горле, почти душа его.

Перед ним был не сумасшедший, а просто глупец. Зачем злиться на дурака? В этом нет никакого смысла.

Ань Гэн уже почти успокоился и собирался вернуться в комнату, когда Ли Моси снова заговорил:

— Будь добрее к своей маме.

Впервые он назвал Ван Цинь не «мамой», а матерью Ань Гэна.

Ань Гэн обернулся и нахмурился:

— Что ты сказал?

Ли Моси снова замолчал, повернувшись к цветам на балконе и внимательно их разглядывая.

Ань Гэн был настолько раздражен, что просто открыл дверь и с гневом ушел.

Глубокой ночью, когда весь город спал, Ван Цинь внезапно открыла глаза и тихо встала с кровати.

Она вышла из комнаты и направилась в комнату Ли Моси. Он уже спал, спокойно лежа на кровати.

Она села на край кровати и долго смотрела на его лицо, не двигаясь.

С момента их первой встречи состояние Ли Моси заметно улучшилось.

Вначале он почти не говорил ничего, кроме слова «мама», казался растерянным в простых бытовых ситуациях, пугался громких звуков, словно был робким ребенком, впервые столкнувшимся с этим миром.

Но сейчас он явно восстановился, постепенно обретая черты, свойственные его возрасту. Его речь стала более логичной, он лучше справлялся с повседневными делами, а взгляд, полный растерянности, начал исчезать.

За исключением потерянных воспоминаний, Ли Моси постепенно возвращался к нормальной жизни.

Ван Цинь испытывала облегчение, наблюдая за его прогрессом, но в то же время в ее сердце зародилась легкая грусть.

Именно эта грусть заставила ее окончательно решиться: как только Ли Моси поправится, она передаст его полиции.

Ань Тянь был прав. Она привела его домой не только из жалости. Она использовала его, чтобы успокоить свою вину перед ребенком, который так и не родился.

Для нее Ли Моси был лишь отражением того нерожденного ребенка, ушедшего в рай. Она никогда не воспринимала его как самостоятельного человека.

Это было слишком эгоистично.

Ван Цинь мягко погладила Ли Моси по щеке и очень тихо сказала:

— Прости.

На следующий день Ань Тянь сообщил Ань Гэну, что, как только Ли Моси поправится, его передадут полиции. Хотя Ань Гэн не сказал ничего, но уголок его рта слегка приподнялся, выдавая его настроение.

— Понял, — сухо ответил он.

Ань Тянь улыбнулся и похлопал его по плечу:

— Ну что, парень, теперь спокоен? Ладно, беги в школу.

Ань Гэн с безразличным видом надел рюкзак и вышел из дома. Он сел на велосипед и поехал в школу с удвоенной скоростью.

Возможно, он выехал раньше обычного, потому что по пути не встретил Чжун И. Оставив велосипед, он купил две лепешки у тетушки, продающей завтраки, отправил Чжун И сообщение и пошел в класс.

Чжун И вошел в класс на десять минут позже и сразу же направился к Ань Гэну.

Точнее, к лепешкам.

— Что это за доброта? Ты купил мне лепешку? — лепешка уже остыла, но Чжун И не обратил на это внимания и откусил большой кусок.

Ань Гэн скрестил руки на груди и наблюдал, как тот жадно ест:

— Боги милосердны к смертным.

... Блевать, — Чжун И выразил свое отвращение действием.

Ань Гэн, обладая божественным спокойствием, не обратил внимания на неуважение:

— Сегодня начинаются занятия?

— Да, расписание уже вывесили. Ты не видел? — Чжун И достал телефон и открыл группу класса, созданную пару дней назад. Чэнь Яньхо выложила расписание вечером.

Он показал его Ань Гэну:

— Первый урок — математика, но разве Ван Цинь не в отпуске? Она сегодня пришла в школу?

— Не знаю, — бегло взглянул на расписание Ань Гэн.

— Вы настоящие образцовые мать и сын, — Чжун И доел последний кусок лепешки и, увидев, что до звонка осталось несколько минут, вернулся на свое место.

Как только прозвенел звонок, в класс вошла Ван Цинь и строго встала у доски.

Ань Гэн почувствовал странное облегчение. Ван Цинь разобрала контрольную, которую они писали два дня назад, и, хотя Ань Гэн даже не участвовал в ней, он просидел весь урок, не засыпая, и даже после звонка оставался бодрым.

На перемене он сбегал в школьный магазин и купил кучу закусок, вывалив их на стол Чжун И и величественно объявив, что это его награда.

Чжун И, хоть и удивился странному поведению Ань Гэна, с радостью принял подарок и большую часть отнес в дар Чэнь Яньхо.

Конечно, она отказалась.

Но это не испортило настроение Чжун И. Он жевал вяленое мясо и молился богам, чтобы Ань Гэн продолжал вести себя так странно. Если боги услышат его, он готов каждый день зажигать благовония... то есть читать священные тексты.

В следующие дни Ань Гэн продолжал игнорировать Ли Моси, словно его не существовало. Ли Моси тоже не пытался заговорить с ним, как подсолнух, смотрящий только на Ван Цинь, послушный и верный, как добродушная собака.

<http://bllate.org/book/16736/1560687>